С. В. Архипов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА Н. Н. АЛЕКСЕЕВА

С позиций феноменологического подхода автор анализирует взгляды выдающегося русского правоведа Н. Н. Алексеева на право как целостный феномен. Подробно исследуется взаимосвязь феноменологической философии как методологического основания построения концепции права и самой теории, предложенной Н. Н. Алексеевым.

Ключевые слова: интенция, ноэза, ноэма, правообязанность, феномен, феноменология, ценность.

S. Arhipov

Phenomenological Motives of N. N. Alekseev's Concept of Law

The views of the outstanding Russian jurist N.N. Alexeyev on law as a holistic phenomenon are analyzed from the perspective of the phenomenological approach. The article explores in detail the relationship of phenomenological philosophy as a methodological basis of constructing the concept of law and the theory proposed by Alekseev.

Keywords: intention, noeza, noam, right of duty, phenomenon , phenomenology, value.

Внимание правоведов к научному наследию Н. Н. Алексеева обусловлено определенным кризисом методологии права в эпоху постмодерна. Отсутствие всеми признанной единой культурной и ценностной парадигмы не позволяет сформулировать общий для всех правоведов методологический подход к праву. В этой связи философия права Н. Н. Алексеева привлекает внимание прежде всего своей методологической последовательностью и глубиной разработки.

В качестве методологического начала своей концепции Н. Н. Алексеев принял феноменологические идеи немецкого философа Э. Гуссерля. Стоит отметить, что концепция права русского мыслителя была создана в 20-е годы прошлого века*. В это время феноменология как философское учение только начинала создаваться Э. Гуссерлем. По этой причине Н. Н. Алексеев не мог положить в методологическое основание своей работы последние, наиболее законченные в смысле формирования философской системы труды Гуссерля (раннего Гуссерля Н. Алексеев знал и ценил), а также труды в области феноменологической социологии, вышедшие значительно позднее 20-х годов. В силу этого Алексееву не были известны многие феноменологические понятия, ставшие неотъемлемой частью современного понятийного аппарата феноменологии права, хотя основные положения трансцендентальной феноменологии уже присутствуют в ранних работах Гуссерля.

По Гуссерлю, все действительно сущее представлено двумя реальностями: миром трансцендентального ego и миром психофизического ego, ощущаемым человеком как единственная реальность, как «жизненный мир». При этом трансцендентальное ego выступает как действительное начало, конструирующее все феномены жизненного мира, в том числе феномен психофизического ego, который в самом приближенном смысле можно трактовать как феномен человека. Гуссерль вводит в свою философию понятие «интенции», под которым понимает свойство всякого сознания постоянно быть направленным на предметность. Однако,

как указывает философ, интенциональный акт имеет сложную структуру, включая в себя то, что мыслится о предмете (ноэму) и осознание самого процесса мышления (ноэзу).

По Гуссерлю, истинное (аподиктичное) знание о феномене можно получить, лишь переместив сознание в позицию трансцендентального ego, позволяющую постигать чистый смысл феномена. Это достигается путем феноменологической редукции (или, иначе, эпохэ), представляющей собой абстрагирование (по Гуссерлю, «вынесение мира за скобки») от всех ценностей этого мира [4, с. 343–347].

Феноменологическая философия (ее трансцендентальное направление) в праве выразилось в попытках построения теорий права, в рамках которых право не воспринималось как социально обусловленный феномен. С этих позиций, начала права следует искать не в социальной и культурной плоскости бытия, а в трансцендентном. Такой подход к праву, по сути, противостоящий материалистической и натуралистической философии, делал невозможным построение теорий феноменологического направления в отечественном правоведении в течение длительного времени. Помимо этого, видимо, сама сложность философского материала не способствует в нашей стране популярности этого направления в праве**.

В этой связи интерес в юридической науке к, по сути, единственной работе по трансцендентальной феноменологии права в отечественном правоведении позволяет говорить об актуальности поиска (пусть и не всегда осознанного) новой методологической парадигмы в праве.

Как пишут А. П. Альбов, Д. В. Масленников, М. Б. Ревнова, труд Н. Алексеева «Основы философии права» в наибольшей степени подвержен влиянию феноменологии [3, с. 11]. Но что такое феноменология для самого Н. Н. Алексеева? Ученый определяет феноменологию как интуицию всеобщего, как «способ вчувствоваться и вмыслиться в идеи» [1,с. 38]. За нефеноменологической терминологией Н. Н. Алексеева угадывается главное: подход, где феномены (идеи) постигаются путем интенционального акта, имеющего ноэтико-ноэматическую структуру (у Алексеева: «вчувствоваться и вмыслиться»). «Феноменология, — пишет Алексеев, — открывает перед нами новый мир духовных предметов… По нашему мнению, феноменология не есть философия, но род особого *точного знания об идеях*, о всеобщих отношениях» [1, с. 38–39].

Точное знание об идеях… Как еще можно выразить мысль об аподиктичном знании в мире феноменов? Одно это уже позволяет утверждать о методологическом подходе Н. Н. Алексеева как о подходе феноменологическом. Главным критерием феноменологического подхода является занятие осознающим позиции трансцендентального ego или мира чистых феноменов (по Алексееву, идей).

Однако при этом Алексеев говорит о границах феноменологии как знания. Нижняя граница — эмпирические временные отношения, которые не познаются феноменологически; верхняя граница — это «все божественное, требующее иных, не феноменологических путей постижения, особого религиозного опыта» [1, с. 39]. Здесь размышления Н. Н. Алексеева перекликаются с мыслью Ж.-П.Сартра, отмечавшего, что структура интенционального акта не ограничивается только познавательными элементами***. Феноменология — это не только феноменология познания.

Таким образом, у феноменологии Н. Н. Алексеева как методологического основания права были два возможных варианта развития: 1) признать ограниченность феноменологии только сферой познания; 2) пойти дальше Гуссерля и развить феноменологические идеи немецкого мыслителя. Н. Н. Алексеев избрал второй вариант. Его феноменология — это феноменология ценностей.

Н. Н. Алексеев считает, что понятие права изначально не должно, да и не может определяться через другие понятия. По Алексееву, через понятие права должны определяться все другие понятия научной теории или, как пишет Н. Н. Алексеев, «понятие права является тем единством, тем центром, из которого «излучаются» основные условия познания всякого правового содержания» [1, с. 52]. В феноменологии Гуссерля этот прием определяется понятием ассоциативной апперцепции.

Но как получить это первоначальное значение понятия права? Обычное логическое определение, указывающее наиболее существенные признаки феномена, здесь невозможно. По Н. Н. Алексееву, так как право есть некоторая интенциональность,**** необходимо сравнивать его с другими интенциональностями сознания [1, с. 53]. Что представляют из себя эти первоначальные интенциональности в праве? Н. Н. Алексеев пишет о первоначальных правовых фактах. Но понятие «правовые факты» необходимо понимать в феноменологическом смысле. «Местонахождением» таких правовых фактов является область эмоционального: «моменты, отличающие право от неправа, лежат не в области разума и не в области истин теоретических, — моменты эти познаются некоторой особой интуицией…» [1, с. 61].

Итак, право есть область ценностей, постигаемых особого рода интуицией. Н. Н. Алексеев полагает, что в XIX веке к такому пониманию права наиболее близко подошел Л. И. Петражицкий. Утверждение Петражицкого, что существуют некоторые неразложимые и первоначальные эмоциональные акты, выступающие основой всего того, что человеческое мнение называет правом, Н. Н. Алексеев понимал как феноменологический подход к праву, представленный в психологических терминах. Ошибкой Петражицкого, по мнению Н. Алексеева, являлось утверждение о субъективности правовых ценностей, в то время как они наполнены, по Н. Алексееву, чисто объективным содержанием [1, с. 66].

В этих рассуждениях Н. Н. Алексеев невольно смешивает мир чистых идей (феноменов) и мир естественной установки. Мир чистых идей трансцендентен миру психологических эмоций Петражицкого.

Н. Н. Алексеев пишет о различных уровнях переживания ценностей. Начальный уровень: осознание наличия определенной ценности, но без осознания жесткой необходимости руководствоваться ею в своих действиях. По Н. Н. Алексееву, это нравственный уровень осознания ценностей. С этих позиций, право есть не что иное, как определенный уровень восприятия ценностей [1, с. 68]. Этот уровень предполагает более интеллектуальное отношение к ценностям.

Здесь сам ход самих рассуждений ученого близок представлениям Гуссерля о пустой и наполненной интенции, но у Н. Н. Алексеева это ценностная интенциональность. С другой стороны, мысли Н. Алексеева близки идеям другого русского ученого И. А. Ильина, который писал: «В основе всякого решения о том, что «правильно»… лежит необходимо некоторая, открыто или тайно признаваемая ценность: «должное» есть всегда потому «должное», что содержание его точно воспроизводит форму и содержание ценностей…» [6, с. 53].

Правовой подход к ценностям Н. Алексеев определяет через понятие «признание». Можно «признавать» какое-либо произведение искусства, не постигая его внутреннюю гармонию и красоту, можно «признавать» ценность жизни человека вообще, не видя смысла в жизни конкретных людей. Поэтому, по Н. Алексееву, подобное признание есть не этический, а преимущественно правовой акт [1, с. 69].

Все вышеизложенное позволяет отнести методологию права, разработанную Н. Алексеевым, для создания собственной оригинальной концепции права, как методологию феноменологическую, философский

уровень которой предполагает осмысление структуры интенционального акта, включающей в свой состав как познавательный аспект интенции (ноэзу и ноэму), так и ценностный аспект. Включение ценностного элемента в структуру интенционального акта, как представляется, — главное отличие методологического основания права Н. Н. Алексеева от феноменологии Э. Гуссерля.

Выше уже говорилось, что феноменологический подход Н. Алексеева отрицает возможность давать определения понятию права. Взамен предлагается дать описание структуры этого феномена. Структура права, по Н. Алексееву, включает в себя три элемента: 1) носитель обнаруживающихся в праве ценностей; 2) сами ценности; 3) основные определения, которыми характеризуются отношения ценностей между собой.

В понимании ученого указанные элементы обладают следующими онтологическими и аксиологическими характеристиками:

1. *Носитель ценности*. Им может быть только физическое лицо. При этом, подобный носитель выступает одновременно и как самостоятельная ценность. В терминологии Гуссерля, физическое лицо определяется как психофизическое ego. Таким образом, феномен права включает, по Н. Алексееву, в себя феномен человека как самостоятельный структурный элемент. Можно сказать, что сам ход рассуждений Н. Н. Алексеева достаточно близок к идеям Гуссерля о построении интерсубъективного мира, которое у Гуссерля начинается с редукции, выносящей за скобки Другого.

2. *Ценность*. Учение о ценностях Н. Н. Алексеева можно считать центром всего построения его трансцендентальной феноменологии права.

Существует несколько подходов к обоснованию ценности. Ее можно определить через неценность. Ценность — это то, что «фактически и опытно обнаруживает свое преимущество перед неценностью». То есть отличие ценности от неценности не принципиальное, а стадиальное.

Другая точка зрения: ценными можно считать те переживания, которые обладают относительным постоянством. При этом возможны как положительные, так и отрицательные переживания и, соответственно, положительные и отрицательные ценности. Конечной целью развития является достижение гармонии, при которой «не будет никаких изменений». Это высшая степень постоянства. И это высшая социальная ценность — социальный идеал [1, с. 103].

Отсюда следует, что существуют две ценности: положительная — факт временного бытия, и отрицательная — небытие во времени. С точки зрения сторонников этого подхода к оправданию ценностей, чем дольше длится существование, тем это более ценно. Однако, как указывает Алексеев, «не факт временного бытия сам по себе служит основой ценностных свойств, но только его соединение с идеальной ценностью» [1, с. 103].

Иначе: Зло (отрицательная ценность), обладающее длительным и устойчивым существованием, приобретает большую положительную ценность, чем кратковременное Добро. Это привело бы к мировоззрению об относительности Добра и Зла и, как следствие, к пассивной жизненной позиции.

Третий подход к обоснованию ценностей Н. Н. Алексеев называет трансцендентальным подходом. Согласно этому подходу, все ценности находятся за пределами бытия. Поскольку ученый не использует в своих теоретических построениях возможности феноменологической редукции, встает вопрос: как сознание способно достичь трансцендентного мира?

Н. Н. Алексеев полагает, что истинное обоснование ценностей может дать только религиозное миросозерцание, соединяющее имманентный и трансцендентные миры.

На первый взгляд, методология Н. Н. Алексеева разительно отличается от феноменологического метода Гуссерля. Однако сам Гуссерль представлял эпохэ как некий скачок, переворот в сознании, который не мо-

жет быть полностью описан рациональным путем. Можно сказать, что «религиозное миросозерцание» Н. Н. Алексеева и иррациональность эпохэ Гуссерля схожи в своей философской неопределенности. Отличие в подходах русского и немецкого мыслителей, по-видимому, заключается в том, что феноменологический метод, предлагаемый Н. Алексеевым, формулируется как положительный опыт сознания, в то время как у Гуссерля этот метод описывается негативно (как отрицание всех верований, ценностей, установок и т. д.)

Таковы три подхода Н. Н. Алексеева к обоснованию ценностей. Нетрудно заметить, что все три подхода не исключают, а дополняют друг друга. Согласно, второму подходу, только та ценность может считаться истинной, которая 1) связана с идеальной ценностью (или, по Гуссерлю, является аподиктичной ценностью); 2) продолжительна во времени. Третий подход касается метода достижения трансцендентальной позиции — «религиозного миросозерцания».

Н. Н. Алексеев не считает необходимым строить подробную иерархическую систему ценностей, выделяя среди всех ценностей только одну — системообразующую. Основной правовой ценностью Н. Н. Алексеев считает справедливость. Справедливость, по Алексееву, есть некоторый порядок отношений между ценностями. Он пишет, что «реальное справедливое общество есть общество, построенное на правильном соотношении благ, — соотношении, в основе которого лежит как образец идея справедливости» [1, с. 107]. А идеалом общественной справедливости будет конкретное отношение реализованных ценностей.

3. *Основные определения правовых явлений*, или, иначе, правовые предикаты. Для описания правовой связи между ценностями Н. Алексеев пользуется двумя понятиями: «правомочие» и «правообязанность». Под правомочием он понимает «свободную возможность к совершению каких-либо положительных или отрицательных действий, допущенных законом…» [2, с. 155]. Правообязанность, по Н. Алексееву, это «внутреннее, органическое сочетание прав и обязанностей». Компетенция какого-либо государственного органа или должностного лица всегда есть право и обязанность как неразделенное целое. В качестве примера приводится ситуация, когда прокурор имеет право арестовать обвиняемого. С другой стороны, прокурор обязан арестовать преступника. То есть здесь «свободная возможность внутренне соединена с долгом, и право превратилось в правообязанность» [2, с. 158–159].

Н. Н. Алексеев выделяет три вида правообязанностей: 1) правообязанностям одной стороны могут соответствовать односторонние положительные обязанности другой. Например, правоотношения неограниченного монарха и его подданных; 2) правообязанностям могут соответствовать односторонние отрицательные обязанности других лиц. Как пример возможных подобных правоотношений Н. Алексеев приводит рассуждения Н. В. Гоголя, изложенные в статье «Избранные места из переписки с друзьями». Гоголь рисует идеал «барина-батюшки», отца своих крестьян, опекающих их по нравственному закону и правде [2, с. 159]; 3) правообязанностям одной стороны соответствуют правообязанности другой.

Итак, феномен права (или идея права, как у Н. Алексеева) представляет собой триединство носителя ценностей, самих предполагаемых и оберегаемых правопорядком ценностей и основных определений правовых явлений.

Описание феномена права у Н. Алексеева заканчивается, можно сказать, у самого порога интерсубъективного пространства, что позволяет охарактеризовать учение Н. Алексеева о праве как *концепцию трансцендентальной феноменологии права.*

Н. Алексеев пишет, что необходимо выявить путем философского, духовного, нравственного и религиозного опыта ис-

тинные высшие ценности. За этим, по мысли ученого, следует другая задача: определить те фактические ценности, на основе которых было построено право конкретного периода. Н. Алексеев пишет, что необходимо создать условия, при которых духовный опыт познания сделается соборным опытом, «считаясь с историческими условиями, построить на нем систему учреждений, которые отражали бы в себе истинное святое и ценное» [1, с. 205]. В концепции права Н. Алексеева обращает на себя внимание, что основания права мыслитель ищет в трансцендентальных ценностях, полученных путем осмысления соборного духовного опыта. За этими мыслями философа права можно увидеть и трансцендентное основание, принципиально не сводимое к социальному, не делающее право лишь стороной общества и культуры; а вместе с тем это еще и, в терминологии Гуссерля, осмысление опыта Другого в области права, что, как представляется, задает модус построения интегративного типа правопонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Фундаментальная работа Н. Алексеева «Основы философии права» была издана в эмиграции в Праге в 1924 году [3, с. 9].

** В настоящий момент, когда для научного творчества сняты все идеологические преграды, это направление в праве практически не разрабатывается. Единственная фундаментальная работа по феноменологии права — коммуникативная теория права А. В. Полякова — относится к другому направлению феноменологии — к социологической феноменологии права.

*** По мысли Сартра, осознание ego собственного сознания предметности может породить дурную бесконечность: я осознаю, что я осознаю, что я осознаю стол и т. д. «Сведение сознания к познанию, — пишет Сартр, — предполагает, что в сознание вводят субъект-объектный дуализм, типичный для познания. Но если мы примем закон пары “познающее — познаваемое”, будет необходим третий термин, чтобы познающее, в свою очередь, стало познаваемым, и мы окажемся перед следующей дилеммой. Или мы останавливаемся на каком-либо термине ряда: познаваемое — познающее познаваемое — познающее познаваемое познающего и т. д.» [5, с. 24].

**** Вместо понятия «интенциональность» Н. Н. Алексеев использует термин «основное направления сознания», однако в настоящей работе для удобства анализа теории ученого применяется современная феноменологическая терминология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998. 216 с.

2. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.

3. *Альбов А. П.* Николай Алексеев: между стихией и логосом / А. П. Альбов, Д. В. Масленников, М. Б. Ревнова // *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб.: Юридический институт, 1998. С. 3–20.

4. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Минск.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с.

5. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

6. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993. 235 с.

REFERENCES

1. *Alekseev N. N*. Osnovy filosofii prava. SPb.: Juridicheskij institut, 1998. 216 s.

2. *Alekseev N. N*. Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998. 640 s.

3. *Al'bov A. P.* Nikolaj Alekseev: mezhdu stihiej i logosom / A. P. Al'bov, D. V. Maslennikov, M. B. Revnova // *Alekseev N. N.* Osnovy filosofii prava. SPb.: Juridicheskij institut, 1998. S. 3–20.

4. *Gusserl' Je.* Logicheskie issledovanija. Minsk: Harvest, M.: AST, 2000. 752 s.

5. *Sartr Zh.-P.* Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoj ontologii / Per. s fp., predisl., primech. V. I. Koljadko. M.: Respublika, 2000. 639 s.

6. *Il'in I. A.* O sushchnosti pravosoznanija. M.: Rarogъ, 1993. 235 s.